

Можжевелов
Борис

СМЕНА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Композитор

Ещё в детстве Борис Можжевелов начал «сочинять музыку». Школьником прочитал он «Тиля Уленшпигеля», а в этой замечательной книге многое есть песен и стихов, то призывных и боевых, то весёлых и едко насмешливых, то задушевно-лирических. Их хотелось петь. И Борис сам придумал мелодии к этим песням:

«Бей в барабан, сзытай на войну,

Мы изгнан подых убийц!»

Потом ему долго не давала покоя песня из книги Джека Лондона «Сердца трёх»:

«Не один десяток трусов

Отражали мы с тобой!»

Он и к ней придумал напев и воинственно распевал эту песню на улицах и в школе.

Постепенно таких песен накопилось много, их стало трудно все запомнить. У Бориса дома была гитара, он самоучкой выучился играть на ней сочиненные им мелодии и упрощенно записывал их.

Годам к пятнадцати Борис занялся музыкой уже всерьез, потому что полюбил её горячо и по-настоящему. Одолел нотную гра-

моту, стал слушать по радио произведения классиков и наигрывал их на гитаре, написал для гитары ряд собственных вещей. Всё это урывками, самоучкой, не систематически и без помощи знающих музыкантов. Отец не соглашался, чтобы Борис учился музыке, он считал это делом «несолидным», мать тоже не поддержала стремлений сына.

Весной 1940 года Борис Можжевелов окончил среднюю школу и стал курсантом Военно-морского училища имени Фрунзе. Времени для занятий музыкой стало совсем мало. Зато в училище был рояль. Он стоял в голубой гостиной, и Борис проводил за ним все редкие свободные минуты. За год он научился хорошо играть и сочинил много пьес для рояля. Вечером, после напряженной учёбы, курсанты собирались к роялю послушать импровизации Бориса — его вальсы, прелюдии, фантазии, «песни без слов». Иногда кто-нибудь спрашивал:

— О чём это, Борис?

Пианист смущался.

— Я не знаю, — отвечал он: — просто так, душа поет.

Только смутно и как бы про себя он знал, что музыка уже сумела стать его родным языком, которым можно выразить и рассказать те чувства, мысли и настроения, которые не всегда передашь словами.

А потом началась война, и курсант Можжевелов вышел в боевое плавание на одном из кораблей Краснознамённого Балтфлота.

29 августа 1941 года в бою под островом Гогланд Можжевелов был тяжело ранен и полгода провёл в госпитале, сперва в Кронштадте, потом в Ленинграде. Из госпиталя он вышел без левой руки.

Был февраль 1942 года, — самое тяжкое время блокады. Придя из госпиталя домой, Можжевелов застал мать, брата, сестренку. Через месяц он похоронил совсем мало. Зато в училище был рояль. Он стоял в голубой гостиной, и Борис проводил за ним все редкие свободные минуты. За год он научился хорошо играть и сочинил много пьес для рояля. Вечером, после напряженной учёбы, курсанты собирались к роялю послушать импровизации Бориса — его вальсы, прелюдии, фантазии, «песни без слов». Иногда кто-нибудь спрашивал:

И вот он остался один, — двадцатилетний парень, недавно сошедший со школьной скамьи, не успевший получить профессию, потерявший родных и близких. Он хотел стать военным моряком — теперь этот путь был для него закрыт. Он мечтал сделаться музыкантом, — но какой же музыкант без одной руки?

Полтора года провёл он в тылу после того, как в 1943 году почти против собственной воли был эвакуирован из Ленинграда в Алтайский край. В 1944 году,

тогда после снятия блокады, он вернулся, побывав и поработав в глухих местах, где музыку можно услышать только по радио и где даже гитару не сырешь. Нынешняя работа Бориса Можжевелова тоже далека от музыки: он нормировщик на заводе имени Карла Маркса. И тем не менее, музыки он не бросает. По вечерам он сидит над нотными тетрадями и пишет, черкает, исправляет, переписывает вновь...

Длго он не решался обратиться к музыкантам-специалистам, чтобы спросить совета и указаний, узнать, действительно ли куда-нибудь годны его музыкальные сочинения. Боялся обидного снисхождения: мол, самоучка, инвалид войны, надо похвалить, обнадежить... Инвалидом Борис себя не считает: слова на месте, правая рука невредима, и работает он не хуже других. Только после долгих колебаний заставил он себя обратиться к музыковедам. Выйдет ли из него композитор, или всё это блажь и самомнение?

Он показал свои сочинения, сияли сыграны, и он, может быть, впервые услышал их в настоящем квалифицированном исполнении.

Мнение профессоров Консерватории оказалось единодушным: сочинения Бориса Можжевелова признаны чрезвычайно интересными и заслуживающими всяческого внимания. Особенно привлекают

они своим оптимизмом, светлой, жизнеутверждающей окраской звучаний. И это без всяких скидок. Наоборот, ему прямо сказали, что недостаток технических и теоретических знаний стечь даёт себя знать в его пьесах. Нужно учиться. Ему предложили поступить в музыкальное училище, на композиторское отделение. В перспективе перед ним — Консерватория.

И Можжевелов решил учиться. Ему нужны систематические консультации специалиста. Ему нужно, чтобы время от времени написанные им вещи проигрывались для него на рояле. Ему необходимо слушать музыку, знакомиться с творчеством классиков, посещать концерты, ибо слушание музыки — это неотъемлемая и важная часть музыкального образования, а сейчас Можжевелов слушает музыку только по радио, а этого мало.

Мы надеемся, что во всем этом ему помогут не только работники музыкального училища, но и комсомольская организация Консерватории. Этим они сделают большое и хорошее дело.

И тогда, мы надеемся, настанут дни, когда мы услышим новые, созвучные произведения молодого композитора Бориса Можжевелова, радостные и светлые, как наша эпоха.

А. СТАРОСЕЛЬСКИЙ